

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

ствия крестовых походов для христианского Востока в смысле утраты греческой и вообще вселенской православной церковью исключительного преобладания в св. земле и предъявления притязаний на место у св. Гроба со стороны представителей других вероисповеданий (копты, армяне-монофиситы и другие)¹.

В. Бартольд.

2. С. А. Егиазаров. Исследования по истории армянского права, публичного и частного. Вып. I. Государственный, общественный, хозяйственный и юридический строй Армении в X—XIII вв. по надписям г. Ани и Ширака. Киев 1919. Стр. XV—100.

Новая работа проф. С. А. Егиазарова, автора многих сравнительно-исторических исследований по армянскому праву и этнографии Кавказа, посвящена надписям города Ани, развалины которого столь знамениты в археологическом отношении. Анийским надписям даже в последние годы посчастливилось в науке: в 1921 г. вышла заметка Орбели «О двух терминах в надписях Ани»²; в ней упоминается вышедшая в 1920 г. работа В. Н. Бенешевича «Три анийские надписи XI в.»; к 1919 г. относится исследование проф. Егиазарова; наконец, Российской Академией Истории Материальной Культуры начато печатание нового издания надписей: Орбели «Надписи города Ани»³.

Егиазаров в своем исследовании на основании материала, содержащегося в надписях, восстанавливает некоторые интересные черты права и хозяйства Армении X—XIII вв. Правда, его работу нельзя признать «первым опытом систематизации армянского права», как пишет сам автор (стр. IV), особенно после того, как такой опыт, и притом очень удачный, был сделан Карстом в его «Очерке истории армянского права»⁴, где принят во внимание и эпиграфический материал. Но книга Егиазарова является, действительно, первой специальной монографией по праву анийских надписей (стр. III). Автору, благодаря разгрома его библиотеки, не удалось

¹ Настоящая рецензия была написана за несколько лет до появления ее в печати. Второй том «Лекций по истории Византии» не появился; продолжением т. I до некоторой степени могут служить две работы того же автора, напечатанные издательством «Academia» в 1923 г.: «Византия и крестоносцы» (120 стр.) и «Латинское владычество на Востоке» (76 стр.). Отношения между Византией и мусульманским миром в них отведено мало места. Ср. рецензию И. Кр. на первую работу в «Востоке», № 4, 181 сл.

² Орбели в Изв. РАИМК, I (1921), стр. 111—117.

³ Там же, стр. 112, пр. 1.

⁴ Karst в Zeitschr. f. vergl. Rechtswiss., т. XIX (1906), стр. 313—411, т. XX (1907), стр. 14—112.

воспользоваться изданием надписей Алипшана «Ширак», и он пользовался исключительно сборником Эмина¹, повторяющим текст издания Саргисяна (стр. II, XIII). Таким образом в своей работе автор использовал не все армянские надписи; им не привлечен к исследованию позднее опубликованный эпиграфический материал, например, надписи, изданные акад. Марром², Орбели³ и др. Отдельное рассмотрение небольшого юридического материала одних только армянских надписей, притом не всех, само по себе мало целесообразно, особенно в виду того, что автор привлекает к объяснению надписей только обычное право армян и почти не пользуется письменными памятниками. Первоначальный план автора был шире, и ограниченность материала, привлеченного автором в первом выпуске его исследования, объясняется условиями научной работы в 1919 г. Но несмотря на это, автор выражает надежду, что его труд будет иметь методологическое значение, как образец и план работ по изучению памятников армянского права (стр. IV — V, XIII — XIV).

Материал расположен автором несколько оригинально, по кафедрам юридического факультета, причем система не вполне выдержана: напр., к частному праву следовало бы отнести учение о последствиях нарушения «условий» (в смысле *modus*) дарения, отнесенное автором к уголовному праву (стр. 44 — 49).

Благодаря консерватизму обычного права и хозяйственных навыков, особенно у народов Востока, знание юридического и экономического быта современной Армении дает автору возможность восстанавливать черты права и хозяйства Армении X—XIII вв. по отдельным намекам надписей (стр. V—VIII, XII). В последнем направлении автор дает решение целого ряда любопытных математических задач. Так, по количеству воды, необходимому для приведения в действие армянской мельницы (прил. III: стр. 90 — 93), автор определяет площадь орошаемой земли у монастыря Хоромоси (стр. IX — X, 53 — 55); по числу отпущенных монастырю выюков соли и по потребности скота в соли он определяет количество скота и пастбищной земли у монастыря (стр. X — XI, 56 — 60, прил. IV: стр. 93 — 97); в конце концов, он дает приблизительные цифры доходности монастырского хозяйства (стр. 63 — 67) по отдельным видам имущества, перечисленным в приложении V (стр. 98 — 100).

¹ Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего. Перевод Эмина. М. 1881.

² Марр в ЗВО, VIII (1893), стр. 69 — 103; в ИАК, вып. 18 (1906), стр. 90 — 94 и др.

³ Орбели, Христ. Восток, II (1913), стр. 126 — 132; III (1914), стр. 76 — 87; V (1916), стр. 151 — 153 и др.

Это самая оригинальная и, быть может, самая сильная сторона исследования автора, так как все его вычисления основаны на личном хозяйственном опыте (стр. VIII, 59). Знание армянского народного быта, ц.ошпикновение в дух армянского права и языка чувствуются и в других местах книги, но порой они оказываются недостаточными. Автор, несмотря на свою осторожность в выводах, допустил здесь ряд ошибок, объяснимых его автодидактизмом. Он работал совершенно самостоятельно, не принимая во внимание специальной литературы по исследуемым им вопросам и даже не обращаясь к необходимым справочным пособиям. Так, значительное место в исследовании автора занимает толкование отдельных слов, встречающихся в надписях, и указание их происхождения; многие гипотезы автора в этом направлении отпадают при обращении, напр., к «Армянской этимологии» Гюбшмана¹.

Историческими судьбами Армении объясняется то обстоятельство, что встречающиеся в надписях технические термины, напр., наименования должностей, налогов, мер, юридических сделок и т. п., обнаруживают персидское, греко-римское, арабское, грузинское, турецко-татарское, монгольское и даже романское происхождение. Здесь по поводу терминологических замечаний автора могут быть сделаны, напр., следующие дополнения и поправки.

Наименование армянских правителей *athabek*², от турецко-татарского *atabek* — «отец-государь»³ автор неудачно поясняет словом «дворянин» (стр. 19); приблизительно это значение имеет слово «бек» в современном Закавказьи, но для эпохи надписей оно совершенно не подходит. Далее, не только *spasalar*⁴, но и *zogawar* «воевода»⁵ и *marzpan* «Markgräf»⁶ — персидские наименования правителей Армении (стр. 20, 26).

Они были вытеснены греко-римскими титулами, и было время, когда оправдывались слова Юстиниана о том, что «он украсил страну армян римскими начальствами, освободив ее от прежних наименований» (τὴν Ἀρμενίων χώραν... ἀρχαῖς... ῥωμαϊκαῖς ἐκοσμήσαμεν, τῶν προτέρων αὐτὴν ἀπαλλάξαντες ὀνομάτων)⁷.

В области этой византийской чиновной терминологии автор сделал

¹ Hübschmann, Armenische Grammatik, I Theil, Armenische Etymologie, Leipz. 1897 (Bibliothek indogermanischer Grammatiken, Bd. VI).

² [В передаче армянских и восточных терминов сохранена транскрипция автора настоящей статьи. Ред.].

³ Hübschmann, l. c., стр. 261.

⁴ Там же, стр. 235, 239.

⁵ Там же, стр. 132.

⁶ Там же, стр. 193.

⁷ Nov. 21 praeef. (Justinian. a. 536).

несколько улуцении. Так, арм. *anthipat* происходит, конечно, не от несущего византийского титла *antipater*, как пишет автор (стр. 21, 26), повторяя ошибку Эмина¹, а от *ἀντίπατος* *proconsul*².

Происхождение арм. *katapan* автор не указывает, ограничиваясь осторожным замечанием, что это слово не армянское (стр. 21, пр. 1). В вопрос об этимологии этого слова напрасно была внесена некоторая неясность. Даже такой выдающийся лингвист, как Гюбшман, не сразу попал на верный след, так как одно время искал (подобно Марру) происхождения арм. *katapan* в персидском языке³. Это слово нельзя признать и заимствованном из романских языков (итал. *capitano*), как это полагал, например, Брокельман⁴; оно происходит, несомненно от греч. *ὁ κατεπάων*⁵, перешедшего и в средневековый латинский⁶ и в славянские языки. Русская летопись под 1066 (6574) годом⁷ говорит о «котопане» в Корсуне, т. е. Херсонесе Таврическом. В эту эпоху на побережье Черного моря еще не распространялось романское влияние, и слово «котопан» заимствовало русским летописцем непосредственно от византийцев, у которых оно могло возникнуть без всякого романского влияния, так как по составу является чисто греческим. Созвучие *capitaneus* и *κατεπάων*, конечно, сыграло свою роль в сближении значения этих слов, но этимологически этот факт столь же не существен, как, напр., сближение слова *катаран* с *κατὰ πᾶν* и толкование катанана, как фактотума (*qui iuxta omne ministrat*), которое можно встретить у Вильгельма Анулийского и т. п.⁸ Если в сербском языке встречается и форма *karetan*⁹ и форма *kotoran*¹⁰, то первая, очевидно, есть итал. *capitano*, а вторая — греч. *κατεπάων*, но было бы неправильно думать, что вторая форма возникла из перестановки *t* и *p* в первой, как, по видимому, допускал прежде Гюбшман¹¹. Нельзя согласиться и с противоположным

¹ Эмин, I. с., стр. 83, пр. 2.

² Hübschmann, I. с. стр. 361.

³ Hübschmann в *Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellsch.*, т. 35 (1881) стр. 664.

⁴ Brockelmann, там же, т. 47 (1893), стр. 36.

⁵ Hübschmann. *Arm. Gramm.* I, стр. 355.

⁶ Ducange, *Glossar. med. et inf. latin.*, II (ed. Favre, 1833), стр. 219 — 221 s. v. *catapanus*.

⁷ Повгородская летопись по синод. харат. списку, Изд. Археогр., Ком. СПб. 1888, стр. 96 — 97. Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3, Археогр. Комиссии. СПб. 1897, стр. 161 — 162.

⁸ Ducange in *Alexiadem Notae* в *Annas Comnenae Alexiadis*, I. XV, ed. Schopenus (*Corp. Script. hist. Byz.*, Bonn. 1878) т. II, стр. 489 — 490.

⁹ Miklosich, *Die Fremdwörter in den slav. Sprachen*, *Denkschr. d. Kais. (Wien) Acad. d. Wiss., philos.-hist. Cl.*, т. XV (1867), стр. 96.

¹⁰ Там же, стр. 101.

¹¹ Hübschmann, *Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellsch.*, т. 38 (1884), стр. 432.

мнением Яннариса¹, что лат. *capitaneus* есть искаженная или парэтимологическая (под влиянием лат. *caput*) форма *κατεπάνω*, появляющаяся в XI веке. На самом деле термин *capitaneus* встречается уже во франкских источниках IX века, напр., у Гинкмара Реймского, в капитуляриях, в летописях, для обозначения лица, стоящего во главе (*in capite*.², и в такой связи, что несомненно происхождение *capitaneus* от *caput* и совершенно исключается возможность влияния византийской терминологии (напр., *capitanei Britonum*, *capitanei ministres*). Греч. *κατεπάνω* «Oberst» и лат. *capitaneus* «Hauptmann» одинаковы по значению и близки по созвучию, но нет оснований предполагать между ними этимологическую связь.

Заемствование же арм. *katapan* именно из греческого языка, несмотря на отрицание акад. Марра³ и Фасмера⁴, должно быть признано хотя бы на основании сопоставления надписей, говорящих то о катанане Востока (№ 26)⁵, то о дуке Востока (№№ 185, 186), или называющих катананом назначенного византийским императором правителя Армении, магистра Баграта, причем рядом упоминаются в качестве правителей города *Ani ipatos* и *spathar kankitat* (№ 26). Совершенно ясно, что среди этого множества стоящих рядом византийских наименований арм. *katapan* передает греч. *κατεπάνω*, как арм. *duk* — греч. *δούξ* и т. д. Рядом с этой простой этимологией оказывается слишком искусственным предлагаемое акад. Марром выведение арм. *katapan* из перс. *kataban*, которое должно означать хранителя дома. Тем более невероятно, чтобы это только теоретически конструируемое персидское слово было заимствовано греками в форме *κατεπάνω* и получило общее значение «начальника», тогда как предложный состав *κατ-επ-άνω* легко объясняется с точки зрения греческого словообразования. И общее значение *κατεπάνω*, как «начальника», объясняет и то значение «управляющего», в частности «управляющего виноградником», которое *katapan* имеет теперь в живой армянской речи.

В арм. *spathar* автор, следуя переводу Эмина, видит «начальника конницы» (стр. 5—6, 23). Но соответствующая надпись (№ 26) дважды употребляет выражение *spathar kankitat*; то же выражение в форме *spathar ev cantitat* встречается у армянского историка VII в. Себеоса; совершенно

¹ Jannaris, Byzant. Zeitschr, т. X, (1901), стр. 204 — 205.

² Ducange, Gloss., II, стр. 134, s. v. Capitaneus.

³ Марр, Физиолог, Тексты и разыск. по арм.-груз. филол. Кн. VI (СПб. 1904), стр. XXIX. 76.

⁴ Фасмер, Греко-славянские этюды, III, Греческие заимствования в русском языке СПб 1909 (Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. И. Акад. Наук, т. 86, № 1), стр. 99, пр. 2.

⁵ Надписи цитируются по нумерации Эмина, которой следует автор рецензируемой книги

исно, что это — византийское *σπαθαραχανδιδάτος*¹, один из титулов помпальных телохранителей императора, который так же, как *σπαθάριος* и *χανδιδάτος*, означает в административном смысле не больше, чем выражение «свиты его величества». И если автор предполагает, что *spathar* ведал военные и полицейские дела, а *ipatos*, т. е. *ὑπατος* (*consul*), был правителем только греков (стр. 23), то основания к этому остаются совершенно неясными. Эти византийские наименования, как и многие другие, встречающиеся в армянских памятниках, не связаны ни с какой определенной компетенцией, так как означают не должности (*ἀρχαί*), а чины (*ἄξιώματα*). Напр., Саргис, управляя Востоком, назывался *ἀνθύπατος*, *πατρίκιος*, *βέστης*, *δοῦξ* (№ 186). Здесь три чина прилагаются к одной и той же должности так же, как, напр., в латинских документах 1059 и 1068 гг. в применении к герцогу Амальфи—Иоанну II: *temporibus domini Iohannis gloriosi ducis et imperialis patricii et anthipatus et vestis*², с той только разницей, что в этих латинских памятниках порядок чинов правильнее, чем в армянской надписи. Согласно византийской табели о рангах, которая может быть восстановлена по хроникам и документам XI века³, чины, упоминаемые в армянских надписях, должны быть расположены в следующем нисходящем порядке:.... *μάχιστρος*... *βέστης*, *ἀνθύπατος*, *πατρίκιος*, *ὑπατος*... *σπαθαραχανδιδάτος*.

Что касается терминов *δοῦξ* и *κατεπάνω*, то это, действительно, не чины, а должности, притом в общем с одинаковой компетенцией, но только разного класса. *Κατεπάνω* очень обычное наименование начальника города, но прилагается также и к начальнику области⁴. В Византии в XI веке начальник области (*θέμα*) вообще назывался *στρατηγός*, поскольку имелось в виду его *imperiū*, или *κρητής*, поскольку речь шла об его *iurisdictio*; начальник области более значительной назывался *κατεπάνω*, еще более значительной, особенно в военном отношении, — *δοῦξ*. Поэтому одна и та же область в зависимости от исторической обстановки могла возглавляться то стратигом, то катепаном, то дуком⁵. Так, Баграт называется в надписи катепаном Востока (№ 26), а Саргис — дуком Востока (№№ 185, 186). Херсонесская надпись 1059 года говорит о стратеге Херсонеса, а русская

¹ Hübschmann Arm. Gramm. I, стр. 380.

² Camera, Memorie storico-diplomatiche dell'antica città e ducato di Amalfi, т. I (Salerno 1876), стр. 251, 252.

³ Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI веке, СПб. 1884, стр. 149 сл., 153 — 156. Безобразов в Журн. Мин. Нар. Просв., 1889 г., сент. (ч. 204), стр. 25, 30. Виз. Врем. т. VI (1899), стр. 142.

⁴ Zachariae, Geschichte des griech-römischen Rechts, 3 Aufl., Berl. 1892, стр. 380.

⁵ Скабаланович, 1 с., стр. 186 сл.

летопись под 1066 годом о котонапе¹. При этом начальник менее значительной области мог иметь чин выше, чем начальник области более значительной: так, катанан Баграг был магистром (№ 26), а дук Саргис — вестесом (№ 186). Иногда чин начальника понимается, как его должность: напр., одна надпись говорит о вестесе Востока (№ 184).

Первоначальный смысл армянского термина, означающего высшее служилое сословие, *пашагаг*, представляется очень спорным²; по этимологии, предложенной Марром³ и принятой Джаваховым⁴, это слово персидского происхождения и означает «главу области». Автор придерживается толкования: «пахарары» — «передовые»; в таком случае еще ближе было бы сопоставление этого выражения не с *meliores terrae* (стр. 18, 19, 26), а с *proceres* франкских источников.

Названия сословий в Армении: *azat* (свободные)⁵ и *šinakan* (колонны)⁶, персидского происхождения. Вопрос о крепостном праве в Армении автор склонен решать в том смысле, что это право проникло в Армению из Византии и Грузии и что «по фарсскому праву» не существовало крепостного права (стр. 8). Между тем крепостное право и другие черты феодализма, встречающиеся в древней Армении, общи у нее с соседними областями Малой Азии⁷, в которых римляне унаследовали колонат от эллинистических и восточных монархий⁸. Это обстоятельство в связи с персидским происхождением терминов, означающих свободное и крепостное состояние, дает основание относить начало крепостного права в Армении именно к персидской и парфянской эпохе⁹. В дарении монастырю виноградника и крепостного, *šinakan*, (№ 87) автор (стр. 8, 29), кажется, напрасно усматривает противоречащее праву отрывание крестьян от земли; вероятно, этот крепостной был приписан к даримому винограднику и жил при нем. Точно также, если ениском жертвует монастырю два села и приписывает к нему жителей третьего села (№ 65), то этим он не отрывает крестьян от земли; его

¹ Латышев, Сборн. греч. надписей христ. времен из Ю. России, СПб. 1896, № 8, стр. 19.

² Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Тексты и разыск. по арм.-груз. филол., кн. XI (1908), стр. 451, пр. 1.

³ Марр, Зап. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XI (1896), стр. 170 — 173.

⁴ Джавахов, Госуд. строй древней Грузии и древней Армении, I, Тексты и разыск. по арм.-груз. филол. кн. VIII (1905), стр. 129.

⁵ Hübbschmann, l. c., стр. 91.

⁶ Там же, стр. 213 — 214.

⁷ Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Leipz. u. Berl. 1910, стр. 254 — 255, 273, пр. 1, 282.

⁸ Там же, стр. VI, 283.

⁹ Karst, l. c., т. XX, стр. 15.

распоряжение может носить чисто церковно-административный характер, как изменение границ приходов.

По поводу толкования автором наименований церковных должностей (стр. 30) следует заметить, что *hajr* (отец) и *aradčnord* означают одну и ту же должность настоятеля монастыря. *Ekeghesaran* надписей, повиidному, тоже не особая должность «смотрителя храма», но означает настоятеля храма¹, как *custos ecclesiae* латинских актов², и понятно, что «смотритель храма» в этом смысле мог выступать представителем братии (стр. 35—36) в договоре с другим монастырем об упорядочении пользования водою (№ 185). И *srasavor* употребляется в надписях не в смысле особой должности «служителя храма», которую, очевидно, имеет в виду автор; надписи называют так «священнослужителей», напр., клир соборной церкви; в армянской версии сирийско-римской книги законов выражение «служители (*srasavor*) церкви» передает греческое *κληρικοί*³.

Перевод арм. *vardapet* посредством «архимандрит» очень обычен, но не только для эпохи надписей, а даже и для настоящего времени не является точным. Архимандрит в принципе — настоятель (большого) монастыря, практически вообще митрофорный иеромонах, а *vardapet* и теперь означает нечто иное: это — ученый монах, то же, что *doctor* или *magister* в средневековых католических монастырях. В древних армянских памятниках, и еще в армянской версии сирийско-римской книги законов⁴ и в судебнике Мхитара Гоша⁵ *vardapet* означает «учителя». Во всяком случае совершенно неудачен перевод одной надписи у Эмпы (№ 153), повторенный автором (стр. 9), по которому архимандрит, *vardapet*, оказывается выше священноархимандрита, *bnabeghaj*. Как известно, «священноархимандрит» — исключительно высокий чин, который носят епископы-настоятели лавр; напр., киевский митрополит является священноархимандритом Киево-Печерской лавры. *Bnabeghaj* означает «подлинного монаха», т. е., очевидно, монаха, принявшего всю полноту монашеских обетов.

Напрасно также автор выражение «земля католикоса» (№ 34) считает равносильным выражению «земля собора» (стр. 99 пр. 1): *kathoghikos* — примас армянской церкви, а собор — *kathoghike*.

Податная терминология армян настолько запутана, что неспециалист

¹ Орбели, Христ. Восток, т. III (1914), стр. 74 — 75.

² Camerl. I. c., стр. 342.

³ Syrisch-römisches Rechtsbuch, herausgeg. von Bruns und Sachau (Leipz. 1880), Arm. § 42 ср. L. § 117.

⁴ Там же, Arm. § 138.

⁵ Марр, Критика и мелкие статьи, Тексты и размык по арм.-груз. филол., кн. V (1903), стр. 34 — 36.

не может высказаться по поводу всех замечаний автора. Напр., трудно решить, является ли *kor* налогом на пару волов¹, запрягаемых в телегу (стр. 41), или же это — барщинная повинность (*corvée*)², соответствующая средневековому *curtus*, или *carropera*³.

Но *charadž* автор неправильно понимает, как введенную арабами поголовную подать с мужского населения взамен воинской повинности (стр. 38). Только в позднейшей практике Турецкой империи *charadž* означал всякий налог, в том числе и подушную подать и военную дань; первоначально же, в империи Сасанидов и у арабов, *charadž* был скорее поземельной податью: поголовная подать в империи Сасанидов называлась *gezith* и у арабов *džizje*. И если в одной из подписей (№ 100) упоминается *charadž* с мельницы, то это вполне понятно и без предположения автора, что в Армении подушный харадж *перевели* на недвижимости.

Другой вид налога, упоминаемый в подписях, — *thastak*, автор проводит от *dastak* (стр. 4 пр. 2, 42), причем дает сомнительное объяснение последнего слова, заимствованного из персидского языка: *dast* «рука» и *ijek* «один» (стр. XI пр. 1). Между тем — *ak* в слове *dastak*, очевидно просто суффикс, и *dastak* означает не «одного в руку» (стр. XII), а «горсть» или «пригоршню»⁴. Так называют в Армении награду пастуха, напр., полученного им баранины (стр. XI—XII). Сближая *thastak* с *dastak*, автор высказывает гипотезу, что *thastak* был дополнительным сбором, установленным в пользу сборщика налогов (стр. 4 и пр. 2, 5, 41—42). Однако, с точки зрения языка остается совершенно непонятным, почему армяне заимствовали перс. *dasta* в двух формах: *dastak* и *thastak*. Термин *thastak* встречается также в ширакской подписи 1041 года, издаваемой академиком Марром⁵, причем по Марру представляется возможным происхождение этого термина от персидского слова *dastag*, которое по словарю Вуллеса означает *litterae sigillo munitae iussu praefecti scriptae*, так что *thastak* — налог на основании грамоты, подобно тому, как *šarjat* — налог на основании писанного закона мусульман⁶.

По подобный переход *d* в *th* мало обоснован. Напротив, повидимому, не исключена возможность, что арм. *thastak* является одним из вариантов наименований налогов, происходящих от лат. *taxare*, перенесенного и в визан-

¹ Brosset, Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, т. I (СПб. 1849), стр. 113.

² Адонц, I с., стр. 484.

³ Karst, I. с., т. XX, стр. 59.

⁴ Häbschmann, I. с., стр. 135.

⁵ Марр, Зап. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. VIII (1893), стр. 76, № 5.

⁶ Там же, стр. 80.

тийскую терминологию (напр., *ταξάσιον*). Этот вариант фонетически столь же мыслим, как лат. *thasta*, соответствующее *thasca*¹, *tascha*, *tasca*² и *taxa*³, в средневековой терминологии. Как *thastak* в армянских надписях ставится рядом с шариа́том, т. е. с десятиной, так в латинских памятниках средних веков рядом с *decima* ставится *tasca*. *Thastak* означает, повидимому, *Taxationssteuer*, т.-е. натуральной (champart) или денежный оброк (*rescümia taxata*) с определенной ставкой (*quantum*).

Одна надпись говорит об отмене палого *thastak* грамотою византийской царицы. Эта грамота в переводе Эмпы (№ 25) и автора (стр. 5) оказывается грамотою «с приложенной к ней печатью золотым перстнем». Следовало перевести просто: «грамота, снабженная золотою печатью», так как надпись, несомненно, имеет в виду хрисовулл, или «золотую буллу», *bulle d'or*, как переводил Броссе⁴. В «порфирородной царице», о которой говорит надпись, Броссе⁵ и автор (стр. 5) видят императрицу Зою. С этим нельзя согласиться. Надпись говорит, что грамоту от порфирородной царицы принес магистр Аарон. Между тем, Аарон, который в 1057 г., действительно, был уже магистром⁶, а в 1059 г. даже проэдром⁷, в 1048 г. имел только чин вестеса⁸. Зоя умерла в 1050 г., и если бы даже Аарон успел получить чин магистра в период 1048 — 1050 гг., он не мог бы принести в Апп грамоту от имени одной только царицы Зои, так как в это время царствовал ее супруг, Константин IX Мономах (1042 — 1055), и помимо, кроме Зои, еще ее сестра Феодора. Поэтому, представляется более вероятным, что надпись, говоря о «порфирородной царице», имеет в виду Феодору, и что грамота, упоминаемая в надписи, относится к 1055—1056 гг., когда Феодора царствовала единолично.

Правда, автор сознательно отстранил от себя чисто исторические задачи (стр. XII) и почти не делает замечаний по поводу отдельных имен, годов и событий. Но все-таки следует исправить хронологическое замечание Броссе, приводимое автором (стр. 3 пр. 3), будто 1035 г. не совпадает с царствованием византийского императора Михаила, упоминаемого

¹ Ducange, l. c., т. VIII (1887), стр. 94.

² Там же, стр. 36 — 37.

³ Там же, стр. 41. Ср. перс. *task* от греч. *τάξις*, Kremer, *Culturgeschichte des Orients*, т. I (Wien, 1875), стр. 276.

⁴ Brosset, l. c., стр. 94.

⁵ Там же, стр. 93 пр. 1.

⁶ Cedren. II (ed. Bekker, *Corp. scriptor. hist. Byz.*, Bonn. 1839) p. 628. Скабаланович, l. c., стр. 74 — 75.

⁷ Безобразов, *Виз. Врем.*, т. XVIII (1911), отд. 3, стр. 108.

⁸ Cedren. II, p. 573. Скабаланович, l. c., стр. 200.

в надписи этого года (№ 27): на самом деле с 1034 по 1041 г. царствовал Мпхал IV Пафлагонянин. Затем, если Баграт был назначен на место правителя Востока императором Константином X Дукой¹, то он не мог быть в этой должности с 1054 (стр. 21 и пр. 5) или 1056 г. (стр. 23), как пишет автор, так как Константин X Дука вступил на престол лишь в конце 1059 г.

Возражения могут быть представлены и против замечаний автора по армянской метрологии (Прил. II: стр. 89 — 90). Например, каріѣ автор производит от арм. *karēl* (вязать) и придает ему значение «визанки», хотя для визанки есть армянское слово *karos* (стр. 89), и предлагаемое автором значение не подходит уже потому, что каріѣ надписей является мерой хлеба (№№ 32, 80). Эмпи переводил каріѣ посредством «ханнкс»; такой меры автор, по его словам, не знает; но, очевидно, Эмпи имел в виду греч. *χοῦνιξ*, к которой правильно приравнивал каріѣ: последним термином, заимствованным у персов (*kaviž*) или у арабов (*qafiz*), армянские переводчики св. писания (например, Апок., 6, 6) и других греческих текстов передавали греч. *χοῦνιξ*². Что каріѣ имел приблизительно это значение, видно также из того, что он составлял десятую часть арм. *griv*, как арабск. *qafiz* десятую часть арабск. *garib*, а армянский перевод Евангелия передает посредством *griv* меру *σάτον* (Матф. 13, 33; Лук. 13, 21)³, которая по свидетельству Иосифа Флавия составляла полтора римских модия (*ισχυρί δὲ τὸ σάτον μόδιον καὶ ἡμισυ Ἱταλίων*)⁴, т. е. равнялась приблизительно 13 литрам метрической системы. В таком случае *χοῦνιξ*, равная 1,25 литра, действительно составляет приблизительно десятую часть такой меры. И с точки зрения реального толкования, поскольку речь идет о 40 (№ 80) или 100 (№ 32) «капичах» пшеницы для обсеменения поля, жертвуемого монастырю, вероятнее результат, по которому каріѣ равен 1,25 литра, чем результат автора, определяющего вес «визанки» в 3¼ пуда (стр. 32 — 33, 89).

Другие приводимые автором современные наименования мер (халвар, тагар, тай и т. п.) для толкования надписей не имеют значения. Но кроме этих персидских и монгольских наименований, в армянской системе мер встречаются наименования греко-римские, например, *litr* (λίτρα, libra)⁵,

¹ Scylitza, *ibid.*, II, p. 653. Michael Attaliota (ed. Bekker, *ibid.*, 1853) p. 80 и др. Скаба-ланович, I. с., стр. 202. По свидетельству историков Баграт (Παγχράτιος) был назначен дуком, но следует полагать, что это случилось не сразу, так как сам Баграт в надписи, говорящей о его вступлении в должность (№ 26), называет себя катапаном

² Hübschmann, I. с., стр. 165.

³ Там же, стр. 131, 165.

⁴ Josephi Flav. *Antiq. Jud.*, 9, 4, 5.

⁵ Hübschmann, I. с. стр. 352

пигі или unki (շնիւն, uncia)¹, mod (μόδιος, modius)². Армянский писатель VII в. Ананий Ширакский в своем трактате: «О мерах и весах у древних», повидимому, предполагает тождественность значения этих одноименных армянских и римских мер. О значении этих терминов римского происхождения в современной Армении может судить, конечно, только тот, кто знает современную хозяйственную практику Закавказья так, как автор. Но невероятно, чтобы в византийскую эпоху, в надписи с византийскими техническими терминами (№ 26), mod означало меру, равную 3 пудам, как это принимает автор (стр. 23, 89), тогда как греко-римский μόδιος равнялся лишь 8,75 литра метрической системы.

Нельзя согласиться также с предложенными автором новыми толкованиями некоторых юридических терминов, встречающихся в надписях.

Так, вместо обычного перевода *gandzagin hajrenikh*, который дают не только цитируемые автором Броссе³ и Эмин, но и Карст⁴, и Марр⁵, и Орбели⁶, а именно «купленная вотчина», автор предлагает свой перевод: «казноценная вотчина», т. е. вотчина, равная по ценности целой казне (стр. 32, 61 пр. 2), и объясняет это наименование взглядом народа на отцовское и дедовское наследство, как на особенно драгоценное. Но на самом деле верно совершенно противоположное: *gandzagin* в надписях называется именно то имущество, о котором в дальнейшем даритель определенно говорит, что он купил его (№№ 24, 69). По своему первоначальному смыслу *gandzagin* есть противоположность *hajrenikh* и сочетание *gandzagin hajrenikh* было бы *contradictio in adjecto* так же, как и русское «купленная вотчина», если бы и *hajrenikh* и «вотчина» не получили в конце концов общего значения «собственности». Автор (стр. 87) считает, что «купленное на деньги» передается описательным глагольным выражением, например, *gandzov gnađž* (№ 73), но, очевидно, это не единственный способ; напротив, глагольное описание встречается реже, чем прилагательное *gandzagin*, и только по необходимости глагольная конструкция употребляется в тех случаях, где указывается, у кого куплено имущество, например, «у вотчинников» или «у священника Саргиса» (№ 34). Выражения: *hajrenikh* и *gandzagin* так часто встречаются в надписях потому, что в стиле актов дарения было указание на основание собственности дарителя; другие надписи ука-

¹ Там же, стр. 369.

² Там же, стр. 366.

³ Brosset, l. c., стр. 109.

⁴ Karst, l. c., т. XX, стр. 44.

⁵ Марр, в Изв. Археол. Комис., вып. 18 (1906), стр. 83; Христ Восток, т. I (1912), стр. 42.

⁶ Орбели, Христ. Восток, т. V (1916), стр. 153.

зывают, как основание, не последование или куплю, а иные титулы, например, дарение (№ 59) или выдел приданого (№ 131). Если принять перевод автора, то окажется, что дарители всякую жертвуемую ими церкви лавку или маслобойню нескромно называют «равными по ценности целой казне», и, наоборот, в ряде надписей будет отсутствовать указание на титул собственности дарителя, которое требуется стилем актов. В одной надписи (№ 32) при переводе автора получается плеоназм: церковь оказывается «вотчиной, равной по ценности целой казне, сооруженной на большие деньги» (стр. 32); напротив при существовании в Армении вотчинного права на церкви (*Eigenkirchensystem*), церковь может быть «купленной вотчиной» (*gandzagin hajrenikhi*): в одной надписи из окрестностей Анн, опубликованной Орбелли, жертвователи прямо говорят, что они «купили сию обитель»¹.

Отступает от перевода Эмина автор (стр. 30 — 31, 72, 100) и в толковании выражения *miabanel*, которое он переводит: «присоединиться», «приобщиться (к монастырю)». Подобный перевод дает не только цитируемый автором акад. Броссе (*s'affilier au saint couvent*)², но и Орбелли («сопричислиться к святому братству»)³. Однако при этом собственные же грамматические соображения автора опровергают его толкование: «стать сотрудником (*miaban*)» мог бы означать глагол *miabacanal* (стр. 31), между тем надписи употребляют глагол *miabanel*. Проводимая автором параллель между лицами, «присоединившимися» к армянским монастырям, и католическими терциариями не имеет опоры в надписях. Надписи с выражением *miabanel* говорят только о дарении монастырю какого либо имущества и о принятии монастырем обязательства служить обедни за упокой души дарителя или его близких; в одной из надписей (№ 71) монастырь сверх того принимает щедрого жертвователя (барона Ашота) одним из своих патронов. Было бы странно, если бы во всех многочисленных случаях, когда жертвовалось имущество церкви на помин души, имело место присоединение к монашеству, тем более, что выражение *miabanel* встречается и в тех надписях, где соответствующий договор заключается между дарителем и соборной церковью в лице ее служителей, *srasavor* (№№ 20, 168): в кафедральном соборе, очевидно, нет монашеской братии, к которой даритель мог бы присоединиться, хотя бы как монах, остающийся в миру. Между тем, вполне удовлетворителен перевод Эмина и Карста⁴: *miabanel* «условиться», «договориться», так как это армянское слово не только по своему составу точно

¹ Там же, стр. 152, № 7.

² Brosset, l. c., стр. 97, 110.

³ Орбелли, l. c., стр. 140, 154.

⁴ Karst, l. c., т XX, стр. 65, 68, прим. 35.

соответствует греч. *ὁμολογεῖν*, но занимает в армянских актах то же место, что *ὁμολογεῖν* в греческих¹. Славянские акты передают греч. *ὁμολογία* посредством «согласие и исповедание»².

Это сравнение *miabanel* армянских актов с *ὁμολογεῖν* греческих имеет полное значение, так как формуляр армянских актов и по общей схеме и даже по стилистическим подробностям совершенно сходен с формуляром соответствующих греческих актов, как сходны с ним и формуляры актов других христианских народов, современных арийским надписям и даже более древних. Так, например, анафема 318 отцов, т. е. отцов 1-го Вселенского собора в Никее, а не отцов церкви вообще, как пишет автор (стр. 48, 49), является типичною санкцией и для армянских и для греческих актов; и те и другие угрожают нарушителю воли дарителя участием Иуды Предателя и распявших Христа³ и т. д. Совершенно те же санкции и в латинских⁴ и в славянских актах⁵. И в греческих и в латинских актах указывается основание собственности дарителя, например, наследование⁶ или купля, как это имеет место в армянских. Точно также, идея супружеской общности имуществ (стр. 68 — 69) и семейной общности (стр. 70 — 72) сказывается и в армянском юридическом стиле и в стиле греческих и латинских актов, которые тоже составляются от имени обоих супругов⁷, от имени отца и сыновей⁸ и т. п.

Вообще сравнение права армян с правом других народов могло быть проведено шире, чем это сделал автор. Так, автор отмечает современный обычай армянских крестьян, по которому «долю по душе» составляет часто любимая вещь покойного, например, любимое платье (стр. 74).

¹ *Ὀμολογεῖν* в *donationes sacrae*, напр., у Trinchera, *Syllabus graecarum membranarum*. Neapoli 1865, стр. 60, 115, 149, 160, 168, 177, 193, 222, 404; Miklosich et Müller, *Acta et diplomata graeca*, vol. IV (Vindob. 1871), стр. 171 — 172.

² *Actes de l'Athos*, V, *Actes de Chilandar*, 2 partie: *Actes slaves* par Korabiev, № 1 — и прил. к Виз. Врем., т. XIX (1912), стр. 369: «съгласие и исповедание твоему к вам чистымъ-шимъ отъцемъ и братіямъ моимъ.» (= *miabancsa surb uchtis*).

³ *Corp. inscr. graec.*, т. IV (Berol. 1859) № 8704, р. 328 — 329, Miklosich et Müller, vol. IV, стр. 50, 76, 83, 107, 113, 115, 126; Trinchera, l. c. *passim* и мн. др.

⁴ Напр., в надписях — *Scriptorum veterum nova collectio*, ed. Mai, т. V, стр. 224, 229, 230, 232, 235.

⁵ *Actes de l'Athos* l. c., стр. 371, 383, 390, 398. Владимирский-Буданов, Христ. по ист. русск. права. вып. I, изд. 5 (Киев. 1899), стр. 133, пр. 3 (духовная Антония Римлянина XII в.).

⁶ Напр., τὰ γονικόθεν περιελάβοντα (= *hajrenikh*) в Miklosich et Müller, vol. IV, стр. 178, vol. VI (1890), стр. 150, 167. В латинских актах, напр., у Loersch-Schroeder, *Urkunden*, *passim*.

⁷ Miklosich et Müller, vol. IV, стр. 48, 177; vol. VI стр. 150, 168 — 169, 170; — Mai, l. c., т. V, стр. 215, 223, 236. Впрочем, участие в актах жены может объясняться и не супружеской общностью имуществ, а наличием у жены дotalных притязаний.

⁸ Miklosich et Müller, vol. VI, стр. 169, Mai l. c., т. V, стр. 231 и др.

Этот обычай вытекает из канонического права армянской церкви. Одно из правил (50), приписываемых Сааку Парфяшину, католикосу IV в., говорит (в латинском переводе, приводимом Май): *Principes donant pagos et praedia atque copiam auri et argenti; ceteri homines agros, et armenta, et vestes pretiosas tribuunt. Et hoc faciunt alii pro animarum suarum salute, alii autem pro dilectorum suorum vel parentum defunctorum satisfactione*¹; 5-ое правило Агванского собора, относимого к 488 г.: *... si defunctus equos habuit, unus equus, si oves, una ovis detur ecclesiae, prout libuerit*². Аналогичный обычай встречается и у других народов, например, у германцев, где тоже долю по душе часто составляет лучшая голова скота (*Besthaupt*) или лучшая одежда (*Gewandfall*). В этом отношении норма армянского права представляет интерес и для сравнительной истории права и для археологии, как лишнее доказательство в пользу широкого значения теории Бруннера о том, что доля по душе (*Seelenteil*) есть христианизованная доля мертвого (*Totentheil*): имущество, которое причиталось по разделу умершему и в языческое время сожигалось или погребалось вместе с ним, как необходимое ему в посмертном существовании (например, треть движимости, конь и оружие и т. п.), после принятия христианства передавалось церкви ради милостыни и молитв о спасении души покойного³. Таково происхождение и армянской доли души, *hogebazin*⁴.

С отмечаемым автором армянским обычаем раздачи хлеба и мяса нищим и странникам в церкви (стр. VI—VII, 7 пр. 5, 67) любопытно было бы сопоставить трапезу «любви» (*ser*), о которой говорит одна надпись (№ 86), и в которой Марр справедливо усмотрел остаток древне христианской *ἀγάπη*⁵. Но вместе с тем возможно, что обычай раздачи мяса является пережитком язычества, сохранившимся в армянском быту, несмотря на борьбу церкви с жертвоприношением животных и вкушением их мяса, и что раздаваемый нищим хлеб в языческое время был жертвенным хлебом.

Замечания автора о частно-правовых терминах, встречающихся в надписях, недостаточно отчетливы; например, не надлежащим образом различаются им *donatio sub modo* и *sub condicione*, дарение и завещание, залог и задаток.

¹ Mai, I. с., т. X, стр. 287.

² Там же, стр. 315.

³ Brunner, Zeitschr. d. Savigny-Stiftung f. Rechtsgeschichte, Germ. Abt., т. XIX (1898), стр. 107 — 139; Gál, там же, т. XXIX (1908), стр. 225 — 238; Kogler, Festschr. H. Brunner dargebr. Weim. 1910, стр. 184 — 185; Brunner в Festschr. f. F. Martitz. Berl. 1911, стр. 1 — 31 и др.

⁴ Ср. Karst, I. с., т. XX, стр. 51 — 52.

⁵ Марр, Христ. Восток, т. I (1912), стр. 41 — 42.

Возможность поворота дара в случае неисполнения одаренным возложенной на него обязанности не означает, что налицо *donatio sub condicione* (стр. 48 — 49, 78): дарение все таки остается *donatio sub modo*, и арм. *ludz* (ярмо) не есть нечто отличное от *modus* (стр. 73 — 74), а именно армянское наименование этой юридической фигуры, соответствующее опис латинских актов¹. Впрочем, указанная норма о повороте дара, известная армянскому обычному праву, применена автором (стр. 44 — 45, 48 — 49) к пожертвованиям церкви на помин души в эпоху надписей без достаточных оснований. Надписи ограничиваются религиозной санкцией, каковы упомянутые выше *imprecationes*.

Различие между дарением и завещанием, конечно, не в моменте перехода имущества, которому придает значение автор (стр. 73, 77), так как возможно и *donatio mortis causa* (*post obitum*). Важно то, что завещание, в отличие от дарения, односторонне и отменяемо, и если автор армянское наименование завещания «*andardzagir*» переводит посредством «бесповоротная запись», то это только способно вызвать недоразумение: завещание именно подлежит повороту во все время жизни завещателя, *ambulatoria est voluntas defuncti usque ad vitae supremum exitum*².

Только после смерти завещателя завещание оказывается «безвозвратным», и так как по армянски «безвозвратный» *andardz*, то эту игру слов допускает уже армянский историк XIII в. Вардан (97 гл.): «самое слово *андардз* значит непоколебимый»³. Но современная филология производит армянское слово *andardz*, означающее завещание, от перс. *andarz* — «совет, предписание, завещание»⁴, так что для перевода автора: *andardzagir* — «бесповоротная запись», нет ни юридических ни лингвистических оснований.

Одна английская надпись (№ 34) называет задаток словом *gtau*, вообще означающим залог. Такое смешение довольно часто встречается и вовсе не составляет особенности армянского права (стр. 76). Оно объясняется главным образом тем, что в армянском праве, как и в архаическом праве Востока и Греции, залог и задаток сближает одна существенная черта: в обоих случаях ответственность ограничивается переданным предметом (*reine Sachhaftung*)⁵. В Армении была реципирована норма эллинистического права: покупатель, не уплачивающий условленной цены, теряет задаток, продавец,

¹ Camera, l. c., стр. 111, пр. 1, 248.

² D. 34, 4, 4; 24, 1, 32, 3 Ulpian.

³ Патканов, История монголов по армянским источникам, вып. 1 (СПб. 1873), стр. 25.

⁴ Hübschmann, l. c., стр. 98 — 99.

⁵ Ср. Partsch, Gött. Gel. Anz., 1911, стр. 719 — 720.

не передающий вещи, возвращает полученный задаток вдвойне¹, но больше обе стороны ни к чему не обязаны; римский принцип обязательности консенсуальной купли неизвестен праву эллинистического Востока². На Востоке купля — это не купля в кредит, не обязательственный договор, а купля натуральная, реальный обмен вещи на наличные деньги³. В этом отношении юридический стиль арийской надписи очень характерен. Надпись говорит: «все записанное и купленное, равно как и многое другое, за что дан уже задаток, но что еще не записано, я отдал в монастырь». Такое противоположение «купленного» тому, «за что дан задаток», невозможно с точки зрения классического римского права, по которому задаток есть именно *argumentum emptionis et venditionis contractae*⁴. Напротив, это противоположение вполне соответствует греческому юридическому стилю. Например, в речи Исея о наследстве Кирона⁵ говорится, что некий Диокл «кое что купил для похорон, а за другое дал задаток» (ἐὼν ἡσθαί τι τῶν εἰς τὴν ταφὴν, τῶν δὲ ἄρραβῶνα δεδωκέναι) и «договорился, что он получит цену купленного, а относительно того, за что он, по его словам, дал задаток, он представит получивших» (διωμολογήσατο τῶν μὲν ἡγορασμένων τιμὴν ἀπολαβεῖν, ὧν δὲ ἄρραβῶνα ἔφασκε δεδωκέναι, συστήσαι τοὺς λαβόντας). Юридический стиль отличается вековой устойчивостью, и не должно казаться неожиданным сопоставление армянской надписи XIII в. после н. э. с текстом классического греческого оратора IV в. до н. э., тем более, что в Армении было рецептировано греческое право задатка.

Самый термин *грав* автор (стр. 75 — 76) производит от арм. *gravel* «*greifen*»; эта этимология была бы вполне мыслимой, если бы *грав* не было заимствованным персидским словом (перс. *girav*, пехлев. *grav*), также означавшим и залог и задаток⁶.

Иные юридические термины, которые могли быть заимствованы армянами у персов, не собственно персидские, как это иногда склонен думать автор, а заимствованы персами у других народов, например, «кабала» (стр. 75), как известно, арабское слово и означает куплю-продажу, «тархан» (стр. 28) — слово монгольское.

¹ *Syr. Röm. Rechtsbuch*, Arm. §§ 27, 97.

² Calogirou *Die Arrha im Verm. r. Leipz.* 1911, стр. 120 сл., 144 сл., 160 сл., 172 сл.; Partsch, I. с., стр. 714 сл., 722, 725; Фрезе, *Очерки греко-египетского права*, ч. I. Яр. 1912 (Врем. Демид. Юрид. лиц., кн. 107), стр. 149 — 154, 199 — 201 и в *Zeitschr. f. vergl. Rechtswiss.* т. XXX (1913), стр. 134 сл. Collinet, *Etudes historiques sur le droit de Justinien*, т. I (P. 1912), стр. 97 — 104.

³ *Syr. röm. Rechtsb.* P. § 32, Arab. § 21, Arm. § 14.

⁴ *Gai.* 3, 139. I. 3, 23 pr.

⁵ *Isaei or.* 8, 23. Ср. Calogirou I. с., стр. 164 — 165.

⁶ Hübschmann, I. с., стр. 131.

Автор приложил (прил. I) к своей книге о надписях цинкографическую копию рукописи договорного статута г. Эрзерума и цеха кузнецов, относимого им к XVII в. и раньше напечатанного в докторской диссертации автора о городских цехах в Закавказьи¹; он повторил также данный им ранее² перевод статута (стр. 11—18). Прилагая статут, автор имел целью показать, насколько тождественно религиозное и этическое мировоззрение народа, выраженное в надписях X—XIII вв. и в статутах XVII—XIX вв. (стр. XIII). Но надписи не содержат материала по цеховому праву, так что затруднительно провести сравнение, подсказываемое автором. В стилистическом отношении многословие статута и нагромождение не относящихся к делу цитат из св. писания совсем не напоминает более или менее «лапидарного» стиля английских надписей.

Аргументация статута текстами св. писания крайне натянута и наивна: виновный в сокрытии нескольких пар из своего дохода с целью платить меньше налогов оказывается, в конце концов, виновным в грехе против св. духа, за который нет прощения, и уподобляется саддукеям, отрицавшим воскресение. Здесь автор повторил свой прежний недосмотр. Перевод автора (стр. 16) говорит: «такие люди подобны саддукеям, отрицавшим воскресение (спасителя)». Пояснение в скобках сделано автором совершенно напрасно, так как саддукеи существовали задолго до Христа, и особенной чертой их материалистического учения было отрицание воскресения мертвых вообще (Матф. 22, 23; Марк. 12, 18; Лук. 20, 27; Деян. 23, 8). Автор повторил также ошибку своего прежнего перевода в цитате из ап. Павла (I Кор. 6, 9—10): вместо «не обманывайте» должно быть «не обманывайтесь». Впрочем, в книге вообще много неисправленных опечаток.

В числе наказаний, предусмотренных цеховым уставом Эрзерумских кузнецов, автор рядом с закрытием лавки, денежной пеней и пр. приводит «телесное наказание» (стр. 50). Но отдельного «телесного наказания» (в смысле наказания, причиняющего физическую боль) устав не назначает. Из контекста ясно, что говоря: «телесное наказание», устав имеет в виду именно закрытие лавки, денежную пеню и пр., т. е. наказания, поражающие материальные блага, в противоположность «духовному наказанию», которое постигнет виновного в будущей жизни (стр. 16). «Телесное наказание» в данном случае имеет тот же смысл, как, например, в положении: *anathema non corporalis, sed spiritualis multatio est.*

¹ Егнazarов, Исследования по истории учреждений в Закавказьи. Ч. II. Городские цехи. Каз. 1891. (Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XIV, вып. 2), стр. 361—368.

² Там же, стр. XXVII, пр. 3.

О других приложениях к книге (по метрологич., конструкции армянской мельницы и пр.) было сказано в своем месте. По поводу замечания автора об армянской мельнице можно добавить, что приводимое автором «предположение, что водяные мельницы не были известны средневековым европейским народам и что только крестоносцы впервые переняли их у народов Востока» (стр. 66), совершенно неосновательно: распространение водяных мельниц по Италии относится еще к эпохе Плиния Старшего¹, а в IV в. после Р. Х. они известны по всей Римской Империи².

Понятно, что и в подробной рецензии невозможно высказаться по поводу всех отдельных замечаний автора, разбросанных по его книге. В заключение следует отметить, что рецензируемая книга проникнута глубоким и интимным чувством родины. Как эпиграф, автор взял следующие слова из своего предисловия (стр. IV): «Камни возвещают культуру, этику и право древнего народа и вопиют против порабощения». Чистый доход от издания предназначен автором в фонд для учреждения кафедры истории армянского права.

И. Фаас.

3. Стихотворения ан-Ну'мāна и Бекра. Дели, 1337 г. хиджры.

شعر النعمان بن بشير الأنصاري... ولبه شعر بكر بن عبد العزيز بن أبي دلف العجلي. غنى بنشره وتصحيحه وضبطه... أبو عبد الله محمد بن يوسف السورتي.
(Lith. 8° стр. 2 + 10 + 46 + 4 + 10 + 38 + 2) سنة ١٣٣٧ هـ.

Среди вышедших во время войны восточных изданий есть не мало таких, которые обязаны инициативе европейских ученых или в которых называется стремление применить европейские методы работы. Оба признака объединяет вышедшая в Дели литография с дивāнами поэтов ан-Ну'мāна ибн Бешйра и Бекра ибн 'Абд-ал-'Азйза, которые изданы по копии с константинопольской рукописи мечети султана Фāтихā. Английский ориенталист Фг. Кренков предоставил копию в распоряжение известного мецената Хусейна ал-Билгрāmī, на средства которого и выполнено настоящее издание.

Издатель — Мухаммед ибн Йўсуф ас-Сўратй не чужд науки: в одном из примечаний он упоминает свою работу о стихах Хасēпа ибн Сāбита (дивāн Ну'мāна стр. 33 (الابضاح والبيان عن معاني شعر حسان

¹ Plin. Hist. natur., XVIII, 23.

² Ducange, l. c., т. I (1883), стр. 348 s. v. aquimola. Baudrillart в Daremberg-Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. III, 2 (P. 1904), стр. 1961 — 1962 s. v. mola.